

Мѣсяць Февраль.
День третій.

Житіє святителя Николая, архієпископа
Японскаго.

*«Въ началѣ надо
завоевать любовь, а
затѣмъ нести слово»
(Архієпископъ
Николай).*

Первымъ проповѣдникомъ Христа въ Японіи явился испанецъ, Францискъ Ксавье, католическій монахъ-іезуитъ. Первоначально миссіонерское дѣло католика и его сподвижниковъ отцовъ-іезуитовъ увѣнчалось успѣхомъ, и многіе принимали христіанство, включая и японскихъ князей Оунго, Арима и Омура (1582 г.). Но іезуиты, какъ и всегда, подчеркивая внѣшнюю, обрядовую сторону вѣры, и не стремясь къ апостольской проповѣди въ духѣ любви и смиренія, а къ насилію и угрозамъ, не смогли укрѣпить христіанъ-японцевъ въ католической вѣрѣ, и въ душѣ многіе оставались язычниками. Іезуитское миссіонерское движеніе

сопровождалось политиканством и интригами, т. е. явным и горячим желанием подчинить Японию властолюбивому Ватикану, что и вызвало отрицательное влияние на японские сердца и жестокое преследование новообращенных, искренно принявших католичество, как свидетельствует историк христианства в Японии («Русский паломник» 1912 г., стр. 492). «Несмотря на повсеместное распространение в XVI в., христианство не оказало почти никакого влияния на национальную этику и характер японцев. Если в первые века христианства гонения не могли уничтожить его, а только еще более укрепили, то здесь этого не видно. Причина в указанном различии приемов распространения христианской веры. Грубое насилие иезуитов не могло, конечно, привить в сердцах новообращенных того, что давала проповедь любви и мира истинных и ближайших учеников Христа». Языческие религии японцев синто, буддизм и конфуцианство, а также и иезуиты с различными миссионерствовавшими сектантами создали индифферентного японского человека, равнодушно относящегося к

религии и будущей жизни. Въ своей книгѣ «Вся Японія», преподаватель Токійскаго университета г-нъ Чемберленъ приводитъ слова виднаго общественнаго дѣятеля того времени г-на Фукузава («Русскій паломникъ» 1912 г., стр. 492): «Для меня не существуетъ между разнообразными религіями, называющимися буддизмомъ, христіанствомъ или иначе, большаго различія, чѣмъ между зеленымъ чаемъ и чернымъ. Мало имѣетъ значенія, пьете ли вы одинъ чай или другой. Самое главное — это дать возможность въ волю его отвѣдать и оцѣнить тѣмъ, которые никогда не пили чая. То же самое и относительно религии. Вѣдь жрецы — это нѣчто вродѣ торговцевъ чаемъ; но я не думаю, чтобы они имѣли резонъ хулить чужой товаръ ради большей прибыли отъ своего. Единственное, что они должны дѣлать, это обладать доброкачественнымъ матеріаломъ и продавать его возможно дешевле». Религія же синто не содержитъ въ себѣ ученія о вѣчной загробной жизни, что и способствовало безразличію къ вѣрѣ японцевъ, не ожидавшихъ вознагражденія за добродѣтели, а за грѣхи осужденія.

Въ японской исторической литературѣ впервые появляются свѣдѣнія о русскихъ, или, какъ ихъ называли тогда японцы, «акахито», т. е. красные люди, въ XVII в. въ связи съ появленіемъ казаковъ на Дальнемъ Востока.

По занятіи Владиміромъ Атласовымъ Камчатки отъ него были получены русскимъ правительствомъ первыя свѣдѣнія о землѣ Узакинской, т. е. Японіи.

Открытие казаками Курильскихъ острововъ приблизило насъ къ Японіи. Петръ Великій посылаетъ нѣсколько экспедицій для изслѣдованія и описанія этой страны, но они были неуспѣшны. Японцы съ недоверіемъ и опасеніемъ относились къ русскимъ, о завоеваніяхъ которыхъ они уже слышали.

Свѣдѣнія о странѣ-отшельницѣ въ Россіи, какъ и вообще въ Европѣ, были чрезвычайно скудны. Посылавшіяся для установленія дружескихъ отношеній экспедиціи не имѣли успѣха.

Первой экспедиціей, которая достигла Японіи и посѣтила города Хакодате и Мацумае, была экспедиція Лаксмана въ

1792 г. (К. В. Сахаровъ «Исторія Японіи», Токио, 1920 г. стр. 67). Японцы встрѣтили экспедицію весьма дружественно, но отказались вести переговоры объ установленіи торговыхъ сношеній, не разрѣшивъ Лаксману и посѣтить столицу имперіи — Іеддо. Тѣмъ не менѣе, это было первое официальное свиданіе представителей двухъ государствъ.

Александръ I вновь сдѣлалъ попытку завязать сношенія съ Японіей, пославъ въ качествѣ посла Н. П. Резанова. Но отвѣтъ японскаго правительства былъ отрицательнымъ, — Японія не пожелала вступить въ дружескія отношенія съ «неизвѣстнымъ государствомъ» и просила посольство какъ можно скорѣе оставить берега Японіи. (тамъ же, стр. 72). Только въ 1854 г. прибывшій въ Нагасаки съ эскадрой адмиралъ Путятинъ добился открытія сношеній Россіи съ Японіей.

Отрицательное отношеніе Японіи къ возможности появленія на ея островахъ русскихъ объясняется историческими условіями, вслѣдствіе которыхъ не только былъ воспрещенъ въѣздъ въ эту страну

иностранцамъ, но и воспрещенъ подъ страхомъ смертной казни выѣздъ изъ предѣловъ Японіи ея гражданамъ.

При такомъ положеніи въ Японіи не могли появиться русскіе миссіонеры. Русская Православная Церковь выступила на нивѣ миссіонерскаго дѣланія въ Японіи только въ концѣ XIX в. послѣ установленія дипломатическихъ отношеній между этими странами.

Въ 1858 г. при русскомъ консульствѣ въ Хакодате былъ построенъ консуломъ Гошкевичемъ первый русскій храмъ въ Японіи (прот. Н. Пономаревъ «Христіанство на Дальнемъ Востокѣ»).

Но не оставилъ страну японскую Христосъ, «хотящій всѣмъ спастися и въ разумъ истины прийти», какъ и узримъ въ семъ повѣствованіи объ избранникѣ Его, Преосвященномъ Николаѣ, озарившемъ страну «Восходящаго Солнца» свѣтомъ Христова ученія и просвѣтившимъ многихъ язычниковъ св. крещеніемъ, съ огненной ревностью создавая Православную Японскую Церковь.

Архієпископъ Николай Японскій, въ міру Іоаннъ Дмитріевичъ Касаткинъ, родился 1-го августа 1836 г. въ селѣ Егорье-на-Березѣ Смоленской губерніи, Бѣльскаго уѣзда отъ христілюбивыхъ родителей. Дѣтство будущаго миссіонера не было легкимъ. Мать его, Ксенія Алексѣевна, преставилась въ 34-лѣтнемъ возрастѣ, покидая 5-лѣтняго Івана и еще двухъ малолѣтнихъ дѣтей. Отецъ его, діаконъ Дмитрій, усердно служилъ Церкви, достойно и примѣрно неся свое званіе, подавая добрый примѣръ сыну. Жилось имъ трудно, но нужда и лишенія выработали въ Іоаннѣ удивительную силу воли и цѣлеустремленность. Учился онъ всегда первымъ. Окончивъ успѣшно Бѣльское духовное училище, онъ поступилъ въ Смоленскую духовную семинарію. Семья жила въ такой бѣдности, что Іоаннъ вынужденъ былъ 150 верстъ до Смоленска, гдѣ онъ учился, проходить пѣшкомъ. Блестяще закончивъ семинарію, онъ былъ направленъ въ Санктъ-Петербургскую духовную академію.

Такъ вспоминалъ свои памятные академическіе годы архіепископъ Николай («Богословскіе труды» № 14, стр. 10): «Будучи отъ природы жизнерадостенъ, я не особенно задумывался надъ тѣмъ, какъ устроить свою судьбу. На послѣднемъ курсѣ духовной академіи я спокойно относился къ будущему, сколько могъ, веселился и какъ-то отплясывалъ на свадьбѣ своихъ родственниковъ, не думая о томъ, что черезъ нѣсколько времени я буду монахомъ. Проходя какъ-то по академическимъ комнатамъ, я совершенно машинально остановилъ свой взоръ на лежавшемъ листѣ бѣлой бумаги, гдѣ прочиталъ такія строки: «Не пожелаетъ ли кто отправиться въ Японію на должность настоятеля посольской церкви въ Хакодате и приступить къ проповѣди Православія въ указанной странѣ». Подписалось нѣсколько человекъ, но всѣ хотѣли ѣхать женатыми священниками. А что, не поѣхать ли мнѣ? — спросилъ я себя. Да, нужно ѣхать, — прозвучало въ совѣсти, — Только не женатымъ. Что-нибудь одно: или семейство или миссія, да еще въ такой дали и въ неизвѣстной странѣ, и въ

этотъ же день за всенощной я уже принадлежалъ Японіи».

На слѣдующій же день молодой студентъ сообщилъ ректору о своемъ намѣреніи и подалъ прошеніе о постригѣ съ назначеніемъ въ Японію, на что ректоръ и Санктъ-Петербургскій митрополитъ выразили согласіе. Іоанна облачилъ во св. иночество съ нареченіемъ имени Николай, епископъ Нектарій, сказавшій при постригѣ: «Не въ монастырѣ ты долженъ совершить теченіе подвижнической жизни. Тебѣ должно оставить самую Родину, идти на служеніе Господу въ страну далекую и невѣрную. Съ крестомъ подвижника ты долженъ взять посохъ странника, вмѣстѣ съ подвигомъ монашества тебѣ предлежать труды апостольскіе».

Въ іюлѣ 1860 г., взявъ съ собой любимую икону свою Смоленской Божіей Матери, отправился молодой миссіонеръ-священноинокъ Николай въ страну языческую. Ъхать тогда пришлось черезъ Сибирь. Въ Николаевскѣ о. Николай зимовалъ, и здѣсь познакомился съ преосвященнымъ Иннокентіемъ

(Веніаминовымъ), явившимся въ очахъ его новымъ Стефаномъ Пермскимъ. Пробылъ онъ почти годъ у преосвященнаго Иннокентія. Святитель отечески обласкалъ юнаго миссіонера, много говорилъ ему о будущемъ дѣлѣ, давалъ всякія наставленія, дѣлился миссіонерскимъ опытомъ.

«**А** есть ли у тебя ряса-то хорошая?» — спросилъ разъ Владыка. «Конечно, есть». Однако, Владыкѣ академическая ряса не понравилась. «Поѣдешь туда, всѣ будутъ смотрѣть, какой-де онъ, что у нихъ за священники. Нужно сразу внушить имъ уваженіе. Покупай бархату». Бархатъ купленъ. Владыка вооружился ножницами и выкроилъ рясу для о. Николая. «Вотъ, такъ-то лучше будетъ. А есть ли крестъ?» Креста еще не было: онъ дожидалъ о. Николая въ Хакодатѣ. «Ну, возьми хоть вотъ этотъ», — сказалъ Владыка, надѣвая на шею о. Николаю бронзовый крестъ за Севастопольскую кампанію, — оно хоть и не совсѣмъ по формѣ, да все-таки крестъ, а безъ него являться къ японцамъ не годится. Да и не одни японцы, но и европейцы будутъ смотрѣть». Въ такомъ импровизированномъ

костюмѣ о. Николай ступилъ на японскую почву.

«**К**огда я ѣхалъ туда, — вспоминалъ архіепископъ, — я много мечталъ о своей Японіи. Она рисовалась въ моемъ воображеніи какъ невѣста, поджидавшая моего прихода съ букетомъ вѣры въ рукахъ — съ крестомъ. Вотъ, пронесется въ ея тѣмѣ вѣсть о Христѣ, и все обновится. Приѣхалъ, смотрю, — моя невѣста спитъ самымъ прозаическимъ сномъ и даже совершенно не думаетъ обо мнѣ... Тогда я былъ молодъ и не лишенъ воображенія, которое рисовало мнѣ толпы отовсюду стекающихся слушателей, а затѣмъ послѣдователей Слова Божія, разъ это слово раздастся въ этой странѣ». Таковы были мечты юнаго миссіонера, но дѣйствительность оказалась не отвѣчающей имъ даже и въ малой мѣрѣ. Проповѣдь христіанства была въ Японіи запрещена подъ страхомъ смертной казни. Это было первое препятствіе къ миссіонерской дѣятельности. Второе и чрезвычайно важное обстоятельство, неблагоприятное для проповѣди Православія, было враждебное

отношеніе японцевъ къ иноземцамъ и ко всему отъ нихъ исходящему. Слишкомъ долго Японія пребывала въ положеніи запретной страны для иностранцевъ и слишкомъ плохую память о себѣ оставили европейцы. Третье обстоятельство, усложнявшее не только проповѣдь, но и непосредственныя сношенія съ японцами, было незнакомство о. Николая съ ихъ языкомъ, весьма труднымъ для изученія. Увеличивало трудности проповѣди Православія и недоброжелательство къ русскимъ жившихъ въ Японіи европейцевъ.

Всѣ эти препятствія необходимо было преодолѣть юному миссіонеру дабы приступить къ исполненію своего завѣтнаго желанія — огласить японцевъ словомъ Истины. Первымъ дѣломъ о. Николай принялся изучать японскій языкъ, проявивъ при этомъ не только богатыя способности, но и непреодолимую силу воли. Какъ приходилось о. Николаю изучать японскій языкъ и какъ относились къ русскому миссіонеру европейцы, представимъ свидѣтельствовать японцу.

Воспоминанія г. Янагита Токичи, имѣвшаго въ г. Хакодатѣ учебное заведеніе «Хокумонся», въ числѣ преподавателей котораго состоялъ нѣкій англичанинъ Брайкстонъ:

«**Пришелъ какъ-то, — говорилъ Янагита, — въ нашу школу проживавшій въ то время въ Хакодатѣ русскій проповѣдникъ Николай. Ничего не говоря, зашелъ въ классъ и сталъ внимательно слушать, какъ ведется преподаваніе. Съ этого дня онъ сталъ появляться въ школѣ ежедневно и слушалъ лекціи наравнѣ съ другими воспитанниками. Посѣщеніе русскимъ проповѣдникомъ нашей школы породило въ публикѣ толки, что школа Янагита, якобы, занимается преподаваніемъ христіанскихъ догматовъ, и я немедленно приказалъ директору школы Сузуки отказать проповѣднику Николаю въ посѣщеніи ея. Однако, Сузуки доложилъ мнѣ послѣ, что проповѣдникъ Николай не подчинился распоряженію и продолжаетъ безъ стѣсненія посѣщать занятія. Я былъ возмущенъ. Случайно встрѣтившись съ англичаниномъ Брайкстономъ, я посоветовался съ нимъ, какъ мнѣ поступить**

съ Николаемъ. На это англичанинъ отвѣтилъ: «Вотъ пустяки, вызовите его къ себѣ и категорически заявите ему, чтобы онъ прекратилъ хожденіе въ школу, а если онъ не послушаетъ, то вытолкайте его въ шею». Пойти на такую грубость я не рѣшился, а рѣшилъ повидать Николая и лично запретить ему посѣщеніе школы. На слѣдующій день, когда онъ показался въ школѣ, я остановилъ его и заявилъ, что его посѣщенія причиняють мнѣ очень много непріятностей и что я требую прекратить это. Проповѣдникъ Николай возразилъ мнѣ съ улыбкой: «Къ чему такія строгости? Отказаться отъ посѣщенія училища я не могу». Тогда я заявилъ: «Вотъ что, этотъ домъ мой, и я требую, чтобы вы больше здѣсь не появлялись, въ противномъ случаѣ я вынужденъ буду примѣнить противъ васъ силу». «Ну, что же, если вамъ доставить нравственное удовлетвореніе побить меня, тогда бейте, пожалуйста, скорѣе; отъ посѣщенія же этой школы я все-таки никогда не откажусь», — улыбаясь, сказалъ Николай. При видѣ такой твердой рѣшимости Николая, я началъ было уже сожалѣть, что сразу же не расправился съ нимъ, какъ совѣтовалъ мнѣ Брайкстонъ. Но

т. к. теперь моментъ былъ уже упущенъ, то я рѣшилъ воздействовать на Николая миролюбивымъ путемъ. Я объяснилъ ему, что его посѣщеніе нашей школы вводитъ многихъ въ заблужденіе; публика смотритъ на нашу школу, какъ на мѣсто, гдѣ ведется проповѣдь христіанства, и что все это мнѣ страшно непріятно. Николай спокойно выслушалъ это и, указавъ на сосѣдній пустырь, спросилъ меня: «Какого вы мнѣнія объ этомъ участкѣ?» Долженъ замѣтить, что рядомъ съ нашей школой жилъ нѣкій Сиратори, занимавшійся приготовленіемъ мисо. Пустырь былъ обнесенъ поломаннымъ заборомъ и, очевидно, никогда не убирался, т. к. былъ до крайности запущенъ; онъ являлъ собою полный контрастъ саду нашей школы, содержавшемуся въ идеальной чистотѣ. Складъ для мисо скорѣе былъ какой-то сарай, а не складъ. На вопросъ Николая я отвѣтилъ, что участокъ, дѣйствительно, грязенъ. «Да, поистинѣ, грязенъ», — сказалъ Николай. «Всякому изъ насъ тяжело смотрѣть, когда рядомъ съ его чистымъ садомъ находится грязный, запущенный садъ сосѣда. Нѣкоторые берутъ на себя смѣлость и трудъ привести такой

садъ въ чистый видъ. Если вы уразумѣли смыслъ моихъ словъ, то вы поймете, что нѣтъ никакого вреда въ томъ, что я прихожу въ вашу школу и знакомясь съ преподаваніемъ въ ней, тѣмъ болѣе, что съ моей стороны не было никакихъ попытокъ проповѣдывать въ ней свою религію. Кромѣ этой школы, я посѣщаю также и буддійскую школу при храмѣ секты «Синсіу» и ежедневно слушаю тамъ проповѣди, и во всѣхъ случаяхъ, когда у меня возникаютъ сомнѣнія, я не стѣсняюсь спрашивать. Въ этомъ и состоитъ все мое занятіе. Пусть тамъ говорятъ, что хотятъ, но это такъ. Вы не должны бранить меня за то, что я посѣщаю вашу школу». Я не зналъ, что возразить Николаю. Пошелъ къ Брайкстону и передалъ ему содержаніе нашего разговора. Тотъ страшно возмутился, сталъ стучать по столу и ругать меня: «Что это, японцы — кули что ли? Неужели вы не знали, что отвѣтить на такую грубость и оскорбленіе? У насъ, англичанъ, даже 5-лѣтній ребенокъ не снесъ бы такой дерзости и, навѣрное, размозжилъ бы черепъ этому Николаю. Да и вообще говоря, какое ему дѣло до того, грязно здѣсь

или чисто. Вѣдь онъ находится заграницей, а не у себя въ Россіи.

Подобныя нотаціи — оскорбленіе для Японіи. Предлагаю вамъ немедленно отправиться къ этому Николаю и расправиться съ нимъ по-настоящему, даже если бы это стоило вамъ жизни; думаю, что вы не пожалѣете ея для возстановленія чести вашей родины». Эти слова возмущенія Брайкстона до сихъ поръ еще свѣжи въ моей памяти. Используя всѣ возможные средства воздѣйствія на Николая, я, въ концѣ концовъ, обратился къ Брайкстону съ просьбой написать мнѣ на листѣ бумаги по-англійски слѣдующую фразу: «Русскому священнику входъ воспрещается». Эту надпись на слѣдующій день я наклеилъ на школьныя ворота. Однако, и эта мѣра оказалась бесполезной: Николай, придя въ тотъ же день въ школу и замѣтивъ надпись на воротахъ, сорвалъ ее, сунулъ себѣ въ карманъ и какъ не въ чемъ ни бывало вошелъ въ школу. На слѣдующій день онъ пришелъ опять и такъ продолжалось долгое время. Мы съ Брайкстономъ были такъ поражены этой настойчивостью Николая, что больше уже не пытались

запрещать ему посѣщеніе школы» (А. С. Юша «Кто настойчивѣе». Сборникъ «На Востокѣ», Токио 1935 г.).

Это воспоминаніе о первыхъ годахъ жизни и дѣятельности о. Николая приведено здѣсь полностью потому, что простыми житейскими словами характеризуетъ оно, какъ приходилось знакомиться о. Николаю не только съ языкомъ и способами преподаванія, но съ самими японцами, ихъ характеромъ и нравами, ихъ религіей и нравственнымъ ученіемъ, какую силу воли и выдержку надо было проявлять православному миссіонеру, проповѣдь котораго вызывала первое время только вражду и осужденіе, такъ что даже и простое появленіе въ школѣ уже принималось въ обществѣ съ осужденіемъ не только его самого, но и владѣльца этой школы. Можно изъ этого судить, съ какимъ трудомъ приходилось о. Николаю на первыхъ порахъ заводить знакомства съ японцами и завоевывать себѣ положеніе въ обществѣ, гдѣ онъ былъ нежелательнымъ лицомъ не потому лишь, что былъ иностранцемъ, но, главное, потому, что былъ проповѣдникомъ

христiанства, проводникомъ, слѣдовательно, новыхъ европейскихъ идей, заранѣе осужденныхъ японскимъ обществомъ и признанныхъ вредными для общественной и государственной жизни. Иллюстрируетъ этотъ разсказъ и ту вражду, которую встрѣтилъ о. Николай со стороны европейцевъ, не всѣхъ, правда, но многихъ, обострившихъ отношеніе японцевъ къ проповѣднику Православiя.

Простой народъ — купцы, ремесленники — не показывали особой ненависти, они скорѣе съ любопытствомъ встрѣчали иностранца, ростомъ чуть не вдвое выше обычнаго японца (Преосвященный былъ очень высокъ). Однажды, когда онъ вошелъ въ лавку, чтобы купить что-то, вся площадь покрылась народомъ, всѣмъ было любопытно посмотреть на «идзина». Увидя, наконецъ, о. Николая, толпа привѣтствовала его оглушительнымъ крикомъ, добродушно смѣясь надъ нимъ. «Да, — прибавлялъ Преосвященный, рассказывая эту исторію, — было время, когда на насъ смотрѣли, а теперь хоть бы кто, — даже досадно». «Невѣста» встрѣтила пришельца

недружелюбно, и это зажгло пламенное желаніе будущаго апостола Японіи изучить исторію, литературу, культуру, религію, языкъ и духъ народа, чтобы узнать, въ какой мѣрѣ осуществимы тамъ надежды на просвѣщеніе страны евангельской проповѣдью. Чѣмъ больше онъ ознакомился со страной, тѣмъ болѣе убѣждался, что духовныя исканія японцевъ остаются неудовлетворенными и что очень близко время, когда слово Евангелія громко раздастся тамъ и быстро пронесется изъ конца въ конецъ имперіи.

Черезъ 8 лѣтъ о. Николай въ совершенствѣ овладѣлъ японскимъ литературнымъ языкомъ, изучилъ японскія исторію и культуру, зная ихъ лучше многихъ другихъ японцевъ, о чемъ свидѣтельствуется его трудъ «Сеогуны и микадо», который и понынѣ актуаленъ.

Трудно было молодому миссіонеру бороться съ язычествомъ и отношеніемъ японцевъ къ чужеземнымъ христіанамъ: «Каково же было мое разочарованіе, когда я, по прибытіи въ Японію, встрѣтилъ совершенно противоположное тому, о чемъ мечталъ!

Тогдашніе японцы смотрѣли на иностранцевъ, какъ на звѣрей, а на христіанство, какъ на злодѣйскую секту, къ которой могутъ принадлежать лишь отъявленные злодѣи и чародѣи».

Ради возжженія сердець языческихъ искрой вѣры православной и сопричтенія ихъ избранному стаду вѣрныхъ, о. Николай подвизался на миссіонерскомъ поприщѣ усердно и благоговѣно, съ незлобіемъ претерпѣвая многоразличныя искушенія, бѣды, лишенія, скорби и напасти, совершенно отвергая себя, со смиреніемъ уповая на милость Божію.

— «**О**динъ Господь знаетъ, — в послѣдствіи вспоминалъ онъ, — сколько мнѣ пришлось пережить мученій въ эти первые годы. Всѣ три врага: міръ, плоть и діаволь — со всею силою возстали на меня... Много нужно силы душевной, великое углубленіе религіознаго чувства, чтобы побороть все это». Но испытывавшій отчаянное положеніе миссіонеръ, ободряясь утѣшительными словами Спасителя: *претерпѣвшій же до конца спасется* (Матѹ. 10, 22) — ревностно

продолжалъ трудъ, занимаясь по 14 часовъ въ сутки, не зная утомленія.

7 лѣтъ подвизался о. Николай, и на 8-мъ году пребыванія своего въ Японіи, вкусилъ онъ сладость широкаго успѣха въ апостольскомъ своемъ дѣланіи, оказавшись побѣдителемъ надъ многолѣтними искушеніями, мученіями и одиночествомъ. Въ первые годы своей дѣятельности въ церкви при русскомъ консульствѣ въ г. Хакодате, смиренный священноинокъ Христовъ познакомился съ синтоистскимъ жрецомъ, самураемъ Савабе, о которомъ писалъ онъ въ своемъ рапортѣ отъ 15 января 1872 г. Святѣйшему Синоду слѣдующее: «Мирно и безмятежно жилъ Савабе въ язычествѣ. Будучи жрецомъ древнѣйшей въ городѣ кумирни, онъ пользовался уваженіемъ народа, получая значительные доходы и зная только довольство и счастье... Гордъ онъ былъ своимъ отечествомъ, вѣрой своихъ предковъ, а потому презиралъ иностранцевъ, ненавидѣлъ ихъ вѣру, о которой имѣлъ самыя неосновательныя понятія». Савабе ненавидѣлъ и о. Николая, якобы хотящаго посѣять среди язычниковъ-японцевъ измѣну

и погубить страну, говоря: «Васъ, иностранцевъ, нужно всѣхъ перебить. Вы пришли сюда соглядать нашу землю. А ты со своей проповѣдью всего больше повредишь Японіи».

— «**А** знаешь ли ты мое ученіе?» — спросилъ о. Николай.

— «**Н**ѣтъ, не знаю», — отвѣтствовалъ Савабе. — «А развѣ справедливо судить, а тѣмъ болѣе осуждать кого-нибудь, не выслушавши его? Развѣ справедливо хулить то, чего не знаешь? Ты сначала выслушай, да узнай, потомъ и суди. Если будетъ худо, тогда и прогоняй насъ отсюда. Тогда ты будешь справедливъ».

— «**Н**у, говори», — прорычалъ самурай, не скрывая злобы.

И тутъ произошла первая огласительная бесѣда будущаго Святителя съ язычникомъ-фанатикомъ. Высоконазидательныя слова миссіонера о Богѣ, о грѣхѣ, о безсмертіи души глубоко тронули озлобленное языческое сердце жреца, Савабе ушелъ задумчивый и сталъ часто приходиться къ русскому иноку, подобно тому, какъ Никодимъ, тайный

собесѣдникъ Христовъ, приходилъ къ Божественному Учителю своему. «Какова была моя радость, — впоследствии рассказывалъ Архіепископъ, — когда я сталъ замѣчать, что мой собесѣдникъ съ напряженнымъ вниманіемъ сталъ прислушиваться къ изложенію новаго, невѣдомаго ему ученія, и его дотоле горделивая мысль стала смиренно склоняться передъ поражающей истиной! Видимо, Самъ Богъ направилъ его мысли на истинный путь».

Такъ положено было начало православной проповѣди въ Японіи. Черезъ нѣкоторое время о. Николай далъ Савабе «Новый Завѣтъ», который тотъ прочелъ съ большимъ интересомъ. «Открыто читать эту книгу я не могъ, — рассказывалъ потомъ на соборѣ самъ Савабе — а читать хотѣлось. Вотъ я выдумалъ читать въ то время, когда совершалъ службы въ своемъ мія (синтоистскомъ храмѣ). Положишь передъ собой Евангеліе вмѣсто языческаго служебника, да и читаешь, постукивая въ барабанъ».

И сей японскій Савль всѣмъ своимъ сердцемъ увѣровалъ во Христа, принявъ твердое рѣшеніе *родиться отъ воды и Духа* (Іоан. 3, 5). Омывшись въ купели св. крещенія съ именемъ Павелъ, въ честь св. апостола, котораго особенно почиталъ о. Николай, Савабе привлекъ къ вѣрѣ своего друга, врача Сакая, во св. крещеніи Іоанна, который впослѣдствіи сдѣлался другимъ свѣточемъ Православія въ Японіи. Принявъ крещеніе, онъ сразу бросилъ всѣ свои привычки, всѣ слабости, и изъ язычника сталъ подвижникомъ.

Въ какой обстановкѣ приходилось работать о. Николаю и какое значеніе имѣло для него обращеніе Савабе, можно судить по его письмамъ къ митрополиту Исидору 14 сентября 1861 г.: «Въ настоящее время ко мнѣ ходитъ одинъ жрецъ древней религіи изучать нашу вѣру. Если онъ не охладѣетъ или не погибнетъ преждевременно (за принятіе христіанства положена смертная казнь), то отъ него можно ожидать многого. У него уже готовы планы, какъ онъ будетъ проповѣдывать христіанство... Я жду въ скоромъ времени изъ Пекина Библію и

богослужебныя книги на китайскомъ языкѣ. А скоро, быть можетъ, прїѣдутъ изъ Іеддо два или три ученыхъ, при помощи которыхъ мой жрецъ приступитъ къ переводу священныхъ книгъ съ китайскаго языка на японскій».

20 апрѣля 1865 г.: «Жрецъ, пожелавшій у меня секретно учиться христіанской вѣрѣ, почти готовъ къ крещенію. Я рассказалъ ему священную исторію Ветхаго Завѣта. Сначала онъ вкратцѣ дома записывалъ то, что слышалъ отъ меня, но потомъ сталъ прямо писать съ моихъ словъ; такимъ образомъ, мы перевели съ сокращеніями священную исторію Ветхаго Завѣта, составленную прот. Богословскимъ. Послѣ небольшихъ поправокъ этотъ переводъ можно и напечатать... Вмѣсто исторіи Новаго Завѣта мы прочитали Евангеліе, при чемъ я объяснилъ новообращенному почти все вѣроученіе нашей Церкви. Жрецъ этотъ съ нетерпеніемъ ждетъ крещенія и подаетъ мнѣ большія надежды: онъ 32-хъ лѣтъ, безукоризненнаго поведенія, хорошо образованъ, уменъ, краснорѣчивъ и всею душою преданъ христіанству. Единственная цѣль его жизни теперь — послужить отечеству распространеніемъ христіанской

вѣры, и мнѣ приходится постоянно останавливать его просьбы изъ опасенія, чтобы онъ не потерялъ голову прежде, чѣмъ успѣетъ сдѣлать что-нибудь для этой цѣли. Въ добавокъ еще: этотъ жрецъ здѣсь, въ Хакодате, составляетъ центръ кружка лучшей по образованію и стремленіямъ молодежи, так что чрезъ него я могу находить и другихъ, избранныхъ друзей его, изъ которыхъ одинъ учится христіанству, другія два изъявили желаніе. Дальнѣйшія мои виды слѣдующіе: двое изъ этихъ моихъ друзей скоро должны отправиться въ Іеддо по своимъ дѣламъ. Чрезъ нихъ я надѣюсь найти нѣсколько образованныхъ и способныхъ людей изъ желающихъ познакомиться съ христіанствомъ (а такихъ людей множество въ Японіи) и подставить ими въ моемъ домѣ слугъ, чтобы по крайней мѣрѣ дома свободно говорить о христіанствѣ. Между тѣмъ, получу изъ Россіи литографическій приборъ и, такимъ образомъ, если Богъ благословитъ, буду мало-помалу готовить проповѣдниковъ христіанской вѣры и христіанскія книги» (Письма о. Николая цитируются по Русской Церковной Исторіи Е. Н. Сумарокова).

Изъ новообращенныхъ главными помощниками русскаго богопроповѣдника были Павелъ Савабе, Іоаннъ Сакай и ихъ другъ, Іаковъ Ирано. Число принимающихъ ученіе Христово и св. крещеніе постепенно росло и увеличивалось. «Признаки того, что угодно Богу просвѣщеніе Японіи свѣтомъ Евангелія, — писалъ святитель, — выясняются все болѣе... Съ каждымъ днемъ число обращенныхъ растетъ».

Къ концу 60-хъ гг. прошлаго столѣтія о. Николай обратилъ въ Православіе 12 японцевъ и до 25 огласилъ, — это при запрещеніи японцамъ подѣ страхомъ смерти принимать христіанство и при чрезвычайно строгомъ отношеніи о. Николая къ допущенію крещенія оглашенныхъ. Такъ въ 1868 г. зародилась Японская Православная Церковь.

Видя, что дѣло началось, и вѣруя, что оно не остановится, пока не покроетъ всей Японіи, о. Николай отправился въ Россію хлопотать объ открытіи Японской духовной миссіи.

Въ 1870 г. Святѣйшій Синодъ открылъ Русскую Православную Духовную Миссію въ

Японіи, назначивъ ея начальникомъ о. Николая съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Русскимъ помощникомъ о. Николая былъ іеромонахъ Анатолій (Тихай), кандидатъ Кіевской Духовной Академіи, бывшій аѳонецъ, почти за годъ онъ изучилъ японскій языкъ настолько, что могъ совершать богослуженія и проповѣдывать на немъ.

Но, несмотря на все сіе, миссія съ ея начальникомъ и проповѣдниками Павломъ Савабе, Іоанномъ Сакаемъ, Іаковомъ Ураномъ, Іоанномъ Ону, ставшимъ впоследствии первымъ епископомъ японцемъ, и другими, испытывала гоненіе, нищету, скорби и тѣсноту. Средства были отпущены изъ Россіи самыя ничтожныя, а расходы были огромныя. Надо было содержать семьи лицъ, уволенныхъ со службы за принятіе христіанства, принимать и кормить слушателей, пріѣзжавшихъ изъ провинціи, содержать катихизаторовъ-мірянъ. Община жила братски, какъ въ первые годы христіанства, дѣлясь другъ съ другомъ своими скудными достатками: Павелъ Савабэ продалъ свою саблю и

самурайское облаченіе, врачъ Сакай приносилъ на общую пользу все, что зарабатывалъ своимъ врачебнымъ искусствомъ.

Измѣна вѣрѣ традиціонной считалась преступленіемъ въ Японіи и наказывалась преслѣдованіемъ, заключеніемъ и даже смертной казнью. Такъ и Павелъ Савабе, возведенный въ степень катихизатора, удостоился спасительнаго заключенія во славу Божію, онъ былъ брошенъ въ подземелье вмѣстѣ с 8-ю другими христіанами; свыше 100 человекъ вызывались на допросы. Среди нихъ многіе еще не были крещены. Но никто не сталъ отступникомъ, враги Христа не слышали ни одного слова боязни даже отъ женъ и малыхъ дѣтей. Но послалъ Господь избраннымъ Своимъ облегченіе проведеніемъ закона о свободѣ вѣроисповѣданія японскимъ правительствомъ, и исповѣдники были освобождены. О семъ Святитель пишетъ: «Какъ только наши христіане, бывшіе въ тюрьмѣ, были выпущены на свободу, вдвое большее количество новыхъ лицъ пришло узнать о Христѣ. То въ томъ, то въ другомъ

мѣстѣ, слышно, желаютъ имѣть христіанскаго проповѣдника. Господь попустилъ насъ испытать гоненіе, но набѣжавшая туча пронеслась уже мимо. И какъ гроза оживляетъ край природы, то и минувшее испытаніе воспламенило еще больше и безъ того полныя ревностью сердца чадъ Христовыхъ. Какой благодатный часъ, какая рабочая пора!»

Въ 1872 г. миссія переселилась въ Токио. При миссіонерскомъ управленіи были открыты духовная семинарія и женское училище, которыя воспитывали будущее духовенство и женщинъ-христіанокъ. Здѣсь жилъ о. Николай въ весьма скромныхъ условіяхъ: «...Мое жилище — одна комната на чердакѣ, по точнѣйшему измѣренію 11 кв. футовъ. Вычтите изъ этого пространство, занимаемое столами, стульями и подобіемъ сдѣланнаго дивана, замѣняющаго мнѣ кровать; высота — стать въ ней во весь ростъ человѣку такого роста, какъ я, едва можно. Разочтите, сколько воздуха въ такомъ жильѣ. И въ немъ однако, происходитъ катихизація 20-ти человѣкъ. Сидѣть уже не спрашивайте, какъ сидѣть... къ счастью, еще 2 окошка,

одно наискось другого. Если погода посылаетъ вѣтерокъ, то ничего. А если нѣтъ вѣянiя воздуха — духота нестерпимая...» («Прав. обозрѣнiе», 1874 г.)

Въ 1872 г. архим. Николаю удалось приобрѣсти для Миссiи участокъ земли съ нѣсколькими зданiями въ центрѣ Токио, на высокому холму Суругадай. Здѣсь были построены церковь, школа на 50 человекъ, квартиры для миссiонеровъ и учителей, духовное училище, ставшее въ 1878-мъ году семинарiей.

О. Николай считалъ необходимымъ совершенiе богослуженiя на японскомъ языкѣ. Братъ о. Анатолиа, регентъ Іаковъ Тихай, создалъ церковный хоръ изъ японцевъ и переложилъ обиходъ всенощнаго бдѣнiя, литургии и требъ.

Ни начальникъ миссiи, ни о. Анатолий не могли, по японскимъ законамъ, ѣздить вглубь страны. Это дѣлало необходимымъ имѣть священнослужителей-японцевъ. Въ 1874 г., подъ предсѣдательствомъ архимандрита Николая, состоялось совѣщанiе катихизаторовъ, на коемъ

постановили рукоположить лучшаго катихизатора Павла Савабе во іереи, а сподвижника его, Іоанна Сакая, во діаконы. Обращаясь къ совѣщанію, Павелъ Савабе сказалъ: «Я, грѣшный и недостойный рабъ, былъ выбранъ во священники. Но, считая священное служеніе очень тяжелымъ и высказавъ разныя другія причины, отказался было отъ священнаго сана. Но на это я не получилъ отъ Церкви разрѣшенія. До настоящаго времени пораженный, я не нахожу словъ. Одно только прямо могу сказать — именно, что всѣ мы всецѣло предали себя на служеніе Церкви и поручили себя водительству духовнаго отца нашего. Повинуясь его увѣщаніямъ, я нашель своимъ долгомъ согласиться на требованіе Церкви и съ благоговѣніемъ подчиняюсь ея велѣнію...». 12 іюля 1875 г. они были рукоположены Преосвященнымъ Павломъ, епископомъ Камчатскимъ.

Благоуспѣшное распространеніе вѣры вынудило архимандрита Николая подать прошеніе Святѣйшему Синоду объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Японіи. 17 марта 1880 г. Святѣйшій Синодъ

постановилъ хиротонисать архимандрита Николая во епископа Ревельскаго, викарія Рижской епархіи съ назначеніемъ въ страну «восходящаго солнца». 30 марта того же года въ Александро-Невской Лаврѣ хиротонію «избраннаго и утвержденнаго» архимандрита Николая совершили митрополиты трехъ столичныхъ кафедръ: Петербургскій Исидоръ, Кіевскій Филаретъ, Московскій Макарій и другіе іерархи Россійской Церкви.

Вернувшись въ Японію, епископъ Николай приступилъ къ строительству Токійскаго Воскресенскаго Собора. Соборъ былъ воздвигнутъ добровольными пожертвованіями русскихъ и японцевъ. Восхищаясь великолѣпнымъ соборомъ, епископъ Николай писалъ: «Храмъ — положительно замѣчательнѣйшее зданіе въ столицѣ Японіи, зданіе, о которомъ слава разнеслась въ Европѣ и Америкѣ еще прежде его окончанія, и которое нынѣ, будучи окончено, по справедливости вызываетъ вниманіе, любопытство и удивленіе всѣхъ, кто бывалъ въ Токио». Торжественное освященіе собора состоялось 1 февраля

1891 г. Хоръ подъ управленіемъ Іакова Тихая пѣлъ по-японски.

Въ сей завершительный періодъ жизни и дѣятельности, Преосвященный Николай занимался преподаваніемъ богословскихъ предметовъ, переводомъ священныхъ и богословскихъ книгъ, начатымъ имъ еще въ Хакодатѣ, неутомимыми административными дѣлами, обзрѣніемъ храмовъ и общинъ и созываніемъ церковныхъ соборовъ для поддержанія духовенства и паствы юной Японской Церкви.

Самые интересные эпизоды въ жизни Церкви были ея ежегодные соборы, которые обыкновенно засѣдали въ величественномъ Токійскомъ храмѣ Воскресенія Христова. На соборахъ обсуждались церковно-миссіонерскія дѣла, избирались кандидаты во пресвитеры и діаконы. Святитель регулярно объѣзжалъ паству, совершая богослуженія, проповѣдуя, посѣщая дома вѣрующихъ, крестя новообращенныхъ.

При миссіи издавались богослужебныя книги на японскомъ языкѣ и журналы духовно-

нравственнаго характера. Громаденъ трудъ архіепископа по переводу богослужебныхъ книгъ, коимъ онъ занимался отъ прибытія въ Японію до одра смертнаго, на которомъ онъ закончилъ переводъ колѣнопреклонныхъ молитвъ, читаемыхъ на вечернѣ въ день Св. Пятидесятницы. Библия была переведена со славянскаго текста, какъ наиболее точнаго, причемъ Владыка свѣрялъ его съ греческимъ, латинскимъ и англійскимъ текстами.

Епископъ Николай составилъ русско-японскій словарь и словарь духовныхъ терминовъ, которыхъ не было прежде въ японскомъ языкѣ. Такъ Богъ былъ объясненъ какъ Существо не только абсолютное, но и личное, Рай — объясненъ вмѣсто нирваны, дано было православное пониманіе свободной воли и т. д. Еп. Николай сдѣлалъ для японцевъ то же самое, что свв. равноапостольные Кириллъ и Меѳодій для славянъ; онъ создалъ для нихъ христіанскій языкъ и стремился поднять ихъ до пониманія Евангельскаго и богослужебнаго языка.

Между Японіей и Россіей назрѣвалъ конфликтъ. Въ ночь съ 26 на 27 января 1904 г. начались военныя дѣйствія,

нарушившія мирное теченіе миссіонерской дѣятельности Владыки. Какъ истинный пастырь своего стада, Преосвященный Николай въ грозные годы войны не покинулъ Японіи и остался со своей паствой.

«Японская Церковь не можетъ быть безъ епископа, поэтому я остаюсь здѣсь», — докладывалъ онъ Святѣйшему Синоду.

Съ началомъ войны на Православную Духовную миссію, ея начальника и всѣхъ православныхъ японцевъ обрушились яростные потоки злобы, ненависти и клеветы. Раздавались настойчивые призывы къ уничтоженію православнаго собора. По признанію самихъ японцевъ, миссія и ея соборъ уцѣлѣли только благодаря тому, что счастье въ войнѣ оказалось не на сторонѣ русскихъ. Съ первыхъ же дней войны, благословивъ свою паству молиться о дарованіи побѣды японскому народу, епископъ Николай, какъ истинный патріотъ своей Родины — Россіи, лишилъ себя участія въ общественномъ богослуженіи. Теперь все его вниманіе обратилось на помощь русскимъ военноплѣннымъ: онъ снабжалъ ихъ книгами, посылалъ къ нимъ

священниковъ. По окончаніи войны онъ занялся устройствомъ братскихъ могилъ русскихъ воиновъ, погибшихъ въ плѣну.

Императоръ Николай II понялъ и оцѣнилъ японскаго святителя. По окончаніи войны Царь писалъ ему 9 октября 1905 г.: «Вы явили передъ всѣми, что Православная Церковь Христова, чуждая мірскаго владычества и всякой племенной вражды, одинаково объемлетъ любовью всѣ племена и языки. Въ тяжкое время войны, когда оружіе брани разрываетъ мирныя отношенія народовъ и правителей, — Вы, по завѣту Христову, не оставили ввѣреннаго Вамъ стада, и благодать любви и вѣры дала вамъ силу выдержать огненное испытаніе и, посреди вражды бранной, удержать миръ вѣры и любви въ созданной Вашими трудами Церкви...». Нравственному вліянію святителя надо приписать и то, что дружественныя отношенія между обѣими воевавшими странами быстро возстановились и продолжались до 1917 г. Въ воздаяніе за заслуги передъ Православной Церковью, Святѣйшій Синодъ возвелъ епископа Николая въ санъ архіепископа.

Между тѣмъ, жизнь Святителя приближалась къ концу. Въ 1908 г. въ помощь Святителю пріѣхалъ епископъ Сергій Тихомиров, и Владыка сталъ передавать ему всѣ церковныя дѣла. (Еп. Сергій Тихомировъ послѣдовалъ митрополиту Сергію Страгородскому и былъ возведенъ имъ въ митрополиты въ 1931 г. Интересно отмѣтить, что и митрополитъ Сергій Страгородскій еще до конкордата съ безбожной властью, будучи архимандритомъ, былъ сотрудникомъ архіепископа Николая и написалъ о немъ много интересныхъ воспоминаній).

Торжественно прошло празднованіе 50-лѣтія пребыванія архіепископа Николая въ Японіи, но послѣ этого онъ началъ быстро угасать. Послѣдній разъ онъ служилъ литургію въ первый день Рождества Христова. 2-го февраля нашелъ въ себѣ силы обсудить съ епископомъ Сергіемъ дальнѣйшую дѣятельность миссіи (къ этому времени число православныхъ японцевъ достигло 33 тыс. человекъ). Обычно, спѣвки хора проходили въ комнатѣ, смѣжной съ кельей Святителя, но въ этотъ день, чтобы не беспокоить умирающаго, перешли въ другое мѣсто. Владыка попросилъ пѣвчихъ вернуться и

спѣтъ его любимое «На рѣкахъ
Вавилонскихъ».

**Скончался Владыка 3 февраля 1912 г. во
время чтенія отходной. Тѣло почившаго
перенесли въ Крестовую церковь.**

Православные японцы всѣхъ лѣтъ и сословій,
даже матери съ грудными дѣтьми,
переполнили храмъ. Чтеніе Евангелія
прерывалось панихидами, такъ было до
самаго дня погребенія. Десятки тысячъ
народа православныхъ и иновѣрцевъ
проводжали гробъ до кладбища Янаки.
Императоръ Японіи прислалъ вѣнокъ. Такъ
прощался народъ Японіи со своимъ
Апостоломъ.

**Архіерейскій соборъ Русской Зарубежной
Церкви 2/15 мая 1993 г. постановилъ
совершить прославленіе святителей
Иннокентія, Митрополита Московскаго, и
Николая, Архіепископа Японскаго,
17/30 января 1994 г. Память ихъ будетъ
совершаться:**

Святителя Иннокентія — 31 марта.

Святителя Николая — 3 февраля.

Источникъ: *Чтець С. Ганъ. Николай,*
Архієпископъ Японскій. // **«Православная
жизнь» (Orthodox Life).** (Приложение къ
«Православной Руси»). — Jordanville: Holy
Trinity Monastery, 1993. — № 12 (527). —
С. 1-17.